

дам — также в целом. Ещё в XVII в. (о чём упоминает А.-Р. Лесаж в «*Жиль Блазе*») жители Астурии настаивали, что все они — сплошь дворяне, поскольку происходят от вестготов, удержавших после 718 г. только эту часть Испании.

Однако в XX в. покрыть расходы по такой политике можно было только грабежом, поскольку для «экономического чуда» у нацистов не было ни средств, ни специалистов. Уже к 1937 г. Германия оказалась на грани банкротства, выход из этого положения давало только разграбление «еврейской собственности», а потом — захваченных стран. В результате вся государственная машина оказалась инструментом колоссального грабежа ради подкупа своего населения, причём инструментом, лишённым долгосрочной перспективы. Перерождение это было нетрудным, поскольку ещё Августин Блаженный определил государство как «великую разбойничью организацию», и это определение до сих пор не опровергнуто, его разделяли такие разные мыслители, как К. Маркс (чего стоит один лишь тезис, что при коммунизме государства не будет, или фраза о трёх ведомствах по ограблению своего и других народов — *Капитал* II.5.4.1!), П. А. Кропоткин и М. Твен. Марионеточные власти оккупированных стран тоже получали долю выгоды — правда, как выяснилось позже, иллюзорную и временную. А политика террора вытекала из соображения, известного любой банде грабителей: убрать жертву, чтобы она не могла поднять шум. «Холокост, — заключает Али — остаётся непонятым, если не анализируется как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории <...>. Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте» (Мадиевский 2006).

Поэтому идеология «аристократической нации» либо ведёт к бесконечной войне (внешней или гражданской), либо оказывается беспредметной — не подкреплённой никакими реальными благами, а потому обречённой на скорый крах. Уже это (если не моральные соображения) должно свести на нет её внешнюю романтическую привлекательность.

VI.7. Нemoщь Мифа

Диковинно могущество наших врагов, и диковинна их немощь!

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец, III, 11

VI.7.1. Миф как слепок массового сознания

Итак, теперь мы можем подытожить. Мы рассмотрели 8 авторов, из которых шесть соответствуют выделенным нами критериям мифотворцев — претендентов на создание идеологического «Мифа» на историческом материале. Эталонным образцом для нас был А. Розенберг, открыто (самим заголовком своей книги) декларировавший именно такое намерение, более того — этот миф получил практическое применение и привёл к логическому концу в мае 1945 года. Однако исследование показало, что из всех рассмотренных нами исторических мифов лишь концепция Л. Н. Гумилёва не только практически совпала с эталонным, но даже превзошла его — в основном по числу методов, с помощью которых история превращается в миф. Поэтому здесь мы будем говорить только об этих двух авторах.

При всей разнице во внешней форме «Миф XX века» А. Розенберга и историческая концепция Л. Н. Гумилёва схожи настолько, что можно говорить о них как о едином историческом Мифе расистского толка. Но при этом внутренняя логика его настолько связна, что нет необходимости подозревать какое-либо влияние одного автора на другого. Эти варианты Мифа могли сложиться и совершенно независимо друг от друга.

Сходство обоих вариантов Мифа определяется их общей иррационалистической основой. Это исключает научный анализ фактов и заставляет авторов прибегать к мифологической логике:

— попыткам схватить системные связи в целом, без анализа частных — или с видимостью анализа, при которой желаемый ответ подсказывается изначально, но подаётся как вывод;

— парадам примеров вместо строгих научных доказательств;

— психологическим объяснениям социальных феноменов (при том, что авторы — не психологи и методами современной научной психологии не владеют);

— объяснению социальных противоречий с помощью образа метафизического мирового Врага.

Поскольку такая картина не вполне соответствует твёрдо установленным фактам (что, по правилам науки, означало бы опровержение теории), методом её конструирования становится подгонка фактов и особенно их истолкований под априорные оценки, вольное обращение с источниками и возведение гипотез в ранг твёрдо доказанных научных законов (в том смысле, какой придавала понятию законов классическая наука).

В результате концепция строится по тем же законам, по которым функционирует массовое сознание. Этот факт — когерентность обывательскому пониманию, но в ореоле научных фактов и терминов — обеспечивает привлекательность всей конструкции.

Успех-то обеспечен, но итог — в случае Розенберга — известен!

К тому же наивно было бы считать, что миф Розенберга сам по себе обеспечил поддержку нацистского режима немцами. Он лишь создал первичную основу для широкой популистской политики, которую нацисты начали проводить, едва придя к власти. Политика эта включала широкие социальные гарантии (заметим — давно назревшие), на которые (в силу расистской идеологии режима) мог рассчитывать любой «истинный ариец» — то есть 95 % немцев (см.: Мадиевский 2006). Именно это, а вовсе не слепая вера в «миф XX века», побуждало немцев поддерживать режим и участвовать в его преступлениях.

При этом, следует заметить, авторы Мифа в основу своего деления человечества на группы кладут ценности, но напроочь отказывают индивиду в праве их выбора. Эти ценности понимаются как жёстко закреплённые в данной группе. Принципиальный антидемократизм Мифа неявно вытекает из культурализма — установки, подталкивающей автора к поиску общих законов, жёстких рамок, в которые должна быть втиснута личность. Между тем сама культуралистская установка уязвима. Напомним иерархию ценностей по Э. С. Кульпину (1995): для европейца превыше всего — личность, для дальневосточной цивилизации (прежде всего Китай) — государство (точнее — Поднебесная, иерархически организованный культурный мир). Однако разве во Франции мы не знаем своих державников, а в Китае — своих без-

удержных эгоистов?⁹⁷ Разве для Р. Киплинга Британская империя не была превыше личности? Разве «ценности второго порядка» — Свобода, Равенство, Братство — не имели и не имеют в Европе своих яростных противников? И разве «прошлое конфуцианское знание» было так уж авторитетно для даосов и чань-буддистов?

Получается, что культуралистская установка несовместима с демократией. Она срабатывает лишь на уровне признания равноправности отдельных *культур*, но не *людей*. Уродливые последствия такой идеологии в случае фашизма совершенно очевидны.

VI.7.2. Консерватизм идеологического Мифа — противоречие в определении

Грань, отделяющая «нормальные» идеи от фашистских, в последнее время как-то странно истончилась, а местами и совсем протёрлась до дыр. Работа об одной из самых чёрных книг XX века — попытка заставить многих искренних теоретиков-гуманитариев заглянуть в зеркало: кого они там увидят? Ещё не совсем похоже? — ну, слава Богу. И надо же видеть, что тут вообще есть проблема!

Фашистские движения состояли не из одних скинхедов и штурмовиков: последними лишь воспользовались для захвата власти, а затем убрали в «ночь длинных ножей». И скинхеды — скорее жупел, отвлекающий манёвр для массового запугивания. С чем согласен, например, А. И. Воеводин — в комментарии к «37-й дополнительной стратагеме»:

«Почему в России существуют фашисты? Вопрос поставлен некорректно. Фашисты существуют не “почему”, а “для чего”. А существуют они для того, чтобы у действующей власти был удобный враг. Пока около Кремля, в центре Москвы продается фашистская литература, а фашистские лидеры пытаются участвовать в парламентских и президентских выборах, можно очень удачно снимать с этого политические сливки, укреплять силовые структуры и подчёркивать демократичность режима, а в нужный момент проводить дозированные решительные действия.

Поднимите имеющиеся оперативные данные и дайте приказ специалистам, прошедшим горячие точки, решить проблему российского фашизма.

Проблема будет решена за очень короткий срок. Навсегда. Участие судов, прокуратуры, принятие новых законов просто не потребуется.

⁹⁷ Обычно при этом приводят в пример Ян Чжу: «Бочэн Цзыгао не помогал никому даже волоском. Он отрёкся от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не желал пользы для одного себя; он так трудился, укрощая потоп, что тело его наполовину усохло. Люди в древности не согласились бы лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесному миру. А если им преподносили всю Поднебесную, они ее не брали. Если бы никто не жертвовал волоском, если бы никто не старался принести пользу Поднебесному миру, то в Поднебесной воцарился бы мир» (Ле-цзы, VII, пер. В. В. Малявина). На самом деле речь идёт не об эгоизме или альтруизме, а о попытках подчинить жизнь собственным «высоким идеям», которые — конечно же! — оправданы «общественной пользой» и интересами «молчаливого большинства». Такая позиция характерна для обществ, где право «мыслить за всех» по определению отводится немногим (вспомним роль Учителя в конфуцианстве). Примеров полна вся мировая история, особенно за последние 200 лет. Таким образом, требование Ян Чжу: «не жертвовать для Поднебесной даже волоском» — это не эгоизм, а призыв к отказу от сильно идеологизированных действий. Не случайно эти слова сочувственно цитирует даосский трактат «Ле-цзы», для которого недеяние (воздержание от суетных поступков) и естественность — высшие нравственные принципы.